

## СЕКЦИЯ 2. КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

### ПОДСЕКЦИЯ 1

*Аксёничков-Бирюков Святослав Юрьевич*  
*старший преподаватель Гомельского филиала*  
*УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»*  
*(г. Гомель, Республика Беларусь)*

### О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЧЭНЬЮЙ С КОМПОНЕНТОМ ТИГР

В китайском языке имеется множество фразеологических оборотов, имеющих скрытую, или затемненную, внутреннюю форму – исходный образ, являющийся основой семантики устойчивого выражения и его мотивированности. Многие фразеологизмы китайского языка со скрытой внутренней формой встречаются среди *чэньюй* – устойчивых выражений, которые, как правило, состоят из четырех, а реже – из трех иероглифов. *Чэньюй* являются значимыми элементами национальной языковой картины мира, поскольку тесно связаны с культурой китайского народа. Большинство из них имеют отсылку к классическим китайским произведениям, написанным на языке *вэньянь*. Без погружения в китайскую культуру, знакомства с китайской символикой, а также тщательного изучения мифологических и литературных источников понять значение таких фразеологических единиц представляет трудности, что и определяет актуальность данного исследования.

Целью данной работы является не только выявление внутренней формы фразеологических единиц путем обращения к различным письменным источникам, но также разграничение фразеологизмов по степени затемненности их внутренней формы.

О вероятном обитании тигров на территории Китая свидетельствует ряд исторических документов. Самым ярким примером тому служат упоминания их распространенности на территории материкового Китая в «Шань Хай Цзин» (山海经) – «Каталоге гор и морей», важнейшем источнике естественнонаучных знаний, этнографии и религии и Китая IV – I вв. до н. э.: «В трехстах ли к юго-западу [находится] гора под названием гора Женского ложа... среди ее зверей много тигров, барсов и носорогов», «Еще в ста ли к северо-востоку находится гора Терновника... там много черных быков, барсов и тигров» [1, с. 39].

Китайцы были очень хорошо знакомы с тигром. При описании различных фантастических существ в китайской мифологии используются различные части тела тигра – голова, когти, хвост и т. д. Так, в «Каталоге гор и морей» (山海经) упоминаются существа, имеющие черты тигра: «Еще в тридцати ли к юго-востоку [расположена] гора под названием *Игу*. ... Там есть животные, похожие на собак, но у них тигриные когти и панцирь. Они называются *лин*. Любят прыгать. Кто съест их, уберется от простуды» [1, с. 88].

Образ тигра, как и зооморфные образы дракона и феникса, является одним из древнейших образов в китайской культуре, мифологии и фольклоре. Для выявления внутренней формы фразеологизмов, имеющих в своем составе компонент *тигр*, необходимо обратиться к символике образа тигра в китайской культуре. В словаре «Шовэнь Цзецзы» содержится следующая информация: «Тигр – это господин над лесными зверями» (“虎，山兽之君”). В свою очередь, в словаре «Юйпьянь» тигр определяется, как свирепый зверь (猛兽也) [2, с.209]. Тигр в Китае ассоциируется с мощью, свидетельством чего является традиция времен династии Цинь называть храбрецов *Ху Бэн* (虎贲)(досл. ‘отважно бросающийся вперед тигр’). Иероглиф *Бэн* (贲) обладает значением ‘отважно бросаться вперед’ по аналогии с тем, как тигр бросается на свою добычу [2, с. 210].

Тигр как символ национальной культуры широко представлен в китайской поэзии. Яркой иллюстрацией различных черт тигра служит произведение поэта Го Можо «Свирепый тигр». В начале поэмы рассказывается о жестоком правителе У-ди. Чтобы раззадорить толпу, он стравливает в вольере тигров и подбрасывает к ним менее крупных животных на съедение. Он имеет огромную власть, как над простыми людьми, так и над свитой и сонмом наложниц и взмахом руки несет смерть. Таким образом реализуется значение образа тигра как символа властолюбия, жестокости, кровожадности, алчности и свирепости [3, с. 108]. В то же время в третьей части поэмы внук генерала Ли Юй смело бросается в бой с тиграми правителя и соотносится со «светлой» стороной тигра, то есть с такими качествами, как отвага, честь и благородство [3, с. 109].

*Чэньюй* 如虎添翼 (букв. «тигру еще и крылья придать») означает ‘с удвоенной силой, усилиться, окрепнуть’, однако также имеет значение ‘преисполниться новых сил’ [4]. Впервые такое сравнение упоминается в книге китайского полководца периода Троецарствия Чжугэ Ляна «Книга сердца»: “将能执兵之权，操兵之势，而临群下，譬如猛虎加之羽翼，而翱翔四海” («Тот, кто имеет власть над воинами и умеет повелевать ими, предстает перед ними, как свирепый тигр, наделенный к тому же крыльями. Он витает над целым миром и вступает в битву там, где необходимо») [5, с. 10].

В современных публицистических текстах данная фразеологическая единица используется для того, чтобы подчеркнуть значимость какого-либо явления. Например, в гонконгской газете «Вэн Вэй По» в статье, где описываются современные научные открытия в области альпинизма, говорится следующее: “这次测量的另一个值得期待的亮点就是登顶测量人员将携带冰雪深雷达探测仪在峰顶进行测量，这将让测量活动“如虎添翼” («Еще одним важным моментом этого измерения, которого стоит ожидать, является то, что альпинисты будут носить с собой радар-детекторы для измерения глубины льда и снега на вершине пика,

что *сделает* мероприятия по измерению глубине *еще более эффективными*) [6]. Использование фразеологической единицы 如虎添翼 как эквивалента к словосочетанию *более эффективный* подчеркивает, что ее внутренняя форма неотделима от письменной культуры Китая. Именно это и объясняет, почему автор использовал указанный фразеологизм в своей статье. Внутренняя форма фразеологической единицы раскрывается в результате обращения к характеристике образа тигра в культуре Китая, где он символизирует мощь, свирепость, жестокость и отвагу. Так как тигр символизирует мощь, словосочетание *придать крылья* указывает на то, что первая характеристика тигра (мощь) усиливается. Отсюда значение фразеологизма *усилиться*.

Следующий фразеологизм, включающий в свой состав компонент *тигр* 笑面虎 (досл. «улыбающийся тигр»), в китайском языке используют для указания на двуличного человека [4]. Данный *чэньюй* берет начало в книге «Интересные беседы» (“谈藪”), автором которой является Пань Юаньинь (XI в. н. э.): “公衮性甚和平，居常若嬉笑，人谓之笑面虎。” («Гонгонг очень добродушный по натуре. Обычно, когда он улыбается и шутит, люди называют его улыбающимся тигром») [4]. В этом произведении автор описывает Гонгонга как человека с добродушной улыбкой, а также жестоким сердцем, что соответствует жестокости тигра.

«Улыбающимся тигром» также называют человека скромного внешне, но амбициозного внутри. В качестве примера приводится отрывок из произведения “古城的忧郁·灾祸” («Печаль и бедствия старинных городов»), автором которого является писатель и профессор литературы Ван Си Ен: “这位黎总编辑是一个出名的笑面虎，无论对人对事，表面的谦和，往往正表示他内心的不满。” («Этот главный редактор, Ли – очень коварный тип. Вне зависимости от того, чем он занят, его внешнее спокойствие часто говорит о внутренней неудовлетворенности»). На основании примеров из литературных произведений прослеживается, что тигр приобретает новое значение и символизирует коварство и/или двуличность. Следовательно, наиболее отчетливо внутренняя форма фразеологизма раскрывается с учетом таких тигриных черт в китайской символике, как алчность и властолюбие, а также путем обращения к литературным произведениям, где данный фразеологизм представляет новую характеристику человека.

Рассмотрим фразеологизм с компонентом *тигр* – 为虎作伥 (букв. ‘помогать тигру в делах’) в значении ‘выполнять работу за плохого человека’. Внутренняя форма данного фразеологизма частично раскрывается через обращение к внеязыковой информации. В книге «Открытое чтение: истории китайских идиом, которые сделают ребенка умнее. Китайские идиомы в рассказах» (“开阔阅读让孩子更聪明的成语故事中华成语故事”) [7, с. 34], представлена история об ученом Ма Чжэне, который очень любил путешествовать среди гор и рек. Однажды он заблудился в сосновом лесу и поспешил найти место для ночлега. Тут же он увидел дом охотника. Охотник предложил Ма Чжэну переночевать, так как в лесу водятся много тигров и опасно ночью бродить по лесу. Ма Чжэн проснулся ночью оттого, что услышал голоса мужчин и женщин, старых и молодых. Охотник объяснил Ма Чжэну, что это не живые люди, а призраки людей, убитых тигром. После своей смерти эти люди помогают тигру найти новую добычу. Следовательно, в китайской культуре тигр также воспринимается, как пособник злых духов, которые после смерти помогают ему найти добычу.

Согласно китайской мифологии, духи убитых тигром людей становятся призраками, или *гуй* (鬼), которые сопровождают тигра, пока тот не найдет другую жертву [8, с. 424]. В пределах материкового Китая известно использование данного фразеологизма в трилогии «Четыре поколения под одной крышей», автором которой является Лао Шэ: “这种欺软怕硬，为虎作伥的作风，居然在汉奸中自成一家。” («Эта манера обижать слабых и бояться сильных, а также помощь другим в грязных делах, неожиданно позволили предателям основать собственную школу») [9, с. 1]. В своей книге «Прекрасный Китай» Фанг Чжиминь приводит следующее описание преступников: “朋友，虽然在我们之中，有汉奸，有傀儡，有卖国贼，他们认贼作父，为虎作伥；但他们那班可耻的人，终究少数。” («Мой друг, хотя среди нас есть

предатели, марионетки и изменники родины, которые считают злодеями своих отцов и помогают плохим людям, но в их ряду мало позорных людей») [10, с. 2]. В указанных произведениях тигр как воплощение алчности и жестокости ассоциируется с преступником. В то же время помогать «тигру», то есть плохому человеку, – это ничуть не лучше, чем самому быть преступником. Поэтому внутренняя форма фразеологизма наиболее полно раскрывается, помимо ознакомления с символикой тигра как воплощения ряда негативных характеристик, путем обращения к художественным текстам и мифологии Древнего Китая.

Таким образом, внутренняя форма немотивированных китайских фразеологизмов выявляется наиболее отчетливо в результате обнаружения их связи с культурой, мифологией и историей, а также древними и современными письменными документами Поднебесной, что подтверждает связь немотивированных языковых единиц с внеязыковой действительностью. В результате рассмотренные китайские идиомы-чэньюй, содержащие компонент *тигр*, могут быть разделены на несколько разновидностей с точки зрения затемненности их внутренней формы: она может быть достаточно «открытой», обладать средней степенью затемненности и выявлять высокую степень «закрытости».

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин). / Предисловие, перевод и комментарий Э.М. Яншиной. – М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977. – 235 с.
2. Сюй Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Пер. с кит. Куликова Д.Е, Никитиной А.А., Фиалковской А.О. / Сюй Хуэй. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
3. Болдырева, Е.М. «О лютый тигр, о тигр великолепный!»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии / Е.М. Болдырева, Е.В. Асафьева // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – №3 – С. 105–121.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkr.s.info>. – Дата доступа: 18.01.2022.
5. Чжугэ Лян Книга сердца, или искусство полководца / Пер. В.В. Малявина / Чжугэ Лян. – М. : АСТ, 2003. – 20 с.
6. BCC 语料库= Лингвистический корпус Института больших данных и языкового образования при Пекинском университете языка и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://http://bcc.bicu.edu.cn>. – Дата доступа: 18.01.2022.
7. 陈营. 开阔阅读让孩子更聪明的成语故事中华成语故事 / 陈营. – 长春 : 北方妇女儿童出版社, 2014. – 582 页. = Чэнь Инь. Открытое чтение: истории китайских идиом, которые сделают ребенка умнее. Китайские идиомы в рассказах / Чэнь Инь. – Чанчунь : Издательство «Северные женщины и дети», 2014. – 582 с.
8. Рифтин, Б.Л. И-инь. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит. , 2007. – 467 с.
9. 邓惠兰. 成语故事辞典上珍藏版 / 邓惠兰. –合肥:安徽美术出版社, 2003. – 229 页. = Дэн Хуэйлань. Словарь историй идиом. Часть 1. Ограниченная серия / Дэн Хуэйлань. – Хэфэй : Издательство изящных искусств Аньхой, 2003. – 229 с.
10. 王淑英. 小学语文成语析释 / 鲁月主编 / 王淑英. – 北京:西苑出版社, 1999. – 227 页. = Ван Шуин. Анализ и интерпретация идиом в китайском языке начальной школы / главный редактор Лу Юэ / Ван Шуин. – Пекин : Издательство Сиюань, 1999. – 227 с.